

М. М. Достоевский

"Гроза".

Драма в пяти действиях А. Н. Островского

Нам предстоит трудная задача. Перед нами произведение писателя, который более всех других наших современных писателей возбуждал и даже и теперь еще возбуждает о себе самые противоречивые толки. Суждения о нем странны уже по своей крайней противуречивости; но значение их покажется еще страннее, если обратить внимание на то, что они исходят из одного и того же лагеря. Нисколько не было бы удивительно, если б о г. Островском расходились в мнениях, например, славянофилы с западниками. (Так как эти странные прозвища до сих пор существуют на самом деле в нашей жизни, то мы и называем их их собственными именами.) Это бы еще ничего: в чем согласны они между собою? Удивительны разноголосные мнения об одном и том же писателе в одном и том же стане, в одном и том же кружке, например, у западников. И какие еще разноголосные. Давно ли нашему драматургу в одно время давали прозвища гостинодворского Коцебу, а в другое провозглашали его обличителем русских самодуров и восхищались им за это?¹ Еще недавно одна наиболее читаемая и достаточно западная у нас газета с неизреченною щедростию не отказывала в таланте -- чуть ли еще не в некотором -- автору "Грозы". Еще на днях другой, весьма уважаемый читающею публикою и не менее того западный критик поднимал на эту "Грозу" целую бурю, между тем как другие тоже очень западные органы отзывались о ней не без восторга, хотя и несколько сдержанно.² Одни в этой же пьесе наиболее ценят в г. Островском поэзию, другие порицают его не только за излишнюю верность природе, но даже за некоторый цинизм. Одним словом, выходит премилый концерт и преназидательный для будущего историка нашей современной литературы. Публика слушает этот концерт уже несколько лет сряду и ничего в нем не понимает. Один г. Островский его не слушает и идет себе своею ровной поэтической дорогой. И прекрасно делает.

У славянофилов этой разноголосицы нет, потому ли, что у них в последнее время была одна только "Беседа",³ или уже потому, что во многих наших вопросах они стоят на более твердой почве, чем их противники. Как ни обманчиво было их увлечение видеть в г. Островском поэта своих идей и принципов, мы уже ради одной справедливости должны сказать, что честь открытия г. Островского, как высокоталантливого писателя, принадлежит только им одним.

Многим, может быть, это покажется парадоксом, а между тем это так. Не спорим, что первое произведение г. Островского "Свои люди" встречено было западниками с необыкновенным увлечением, с единодушным восторгом. Но восторг этот потому именно и был единодушен, что в этой комедии г. Островский является еще далеко не самим собою, далеко не тем самобытным писателем, который так пленяет нас в позднейших своих комедиях и сценах. Тут за ним виднелся еще его славный предшественник, виднелась преднамеренная цель выставить то-то и то-то в известном свете, казнить другое. Тут еще горько смеется гоголевская сатира, с намерением бросается в глаза еще то, от чего поэт отказался впоследствии. Одним словом, тут еще нет той свободы, с которой поэт относится к действительности в позднейших своих пьесах. Помимо таланта, эта сатира, эта преднамеренная цель и заставили западников рукоплескать поэту. Талант ведь не спас его от охлаждения и брани этих же самых западников, когда явились более высокие по искусству произведения, как "Не в свои сани не садись", "Бедность не порок", "Бедная невеста", "Не так живи, как хочется". Все помнят это время, все читали отзывы, полные пренебрежения и даже брани разных петербургских газет и журналов.⁴ Да не повторяется ли то же самое еще и теперь, когда истина все более и более берет верх, и резкие приговоры должны бы, кажется, смягчиться, хоть уж перед очевидностью.

Но между тем, как все это происходило в Петербурге, Москва со своими славянофилами, с своим "Москвитянином",⁵ с своей "Беседой", наконец, не только оставалась одних и тех же мнений о г. Островском, но росла в любви и в удивлении к нему с каждой новой его пьесой. В особенности много, резко и долго вопиял в огромной пустыне один талантливый голос, который так же громко, хотя и менее резко, раздавался в последнее время за г. Островского и в петербургских журналах.⁶ Этому голосу принадлежит и та фраза, над которою в былое время так глумилась наша критика: Островский действительно *сказал новое слово*. Но об этом после.

Есть много причин всем этим колебаниям и противоречиям критики западников. Оставшись после смерти Белинского без главы, без авторитета, без центра, где бы вырабатывались и получали известный